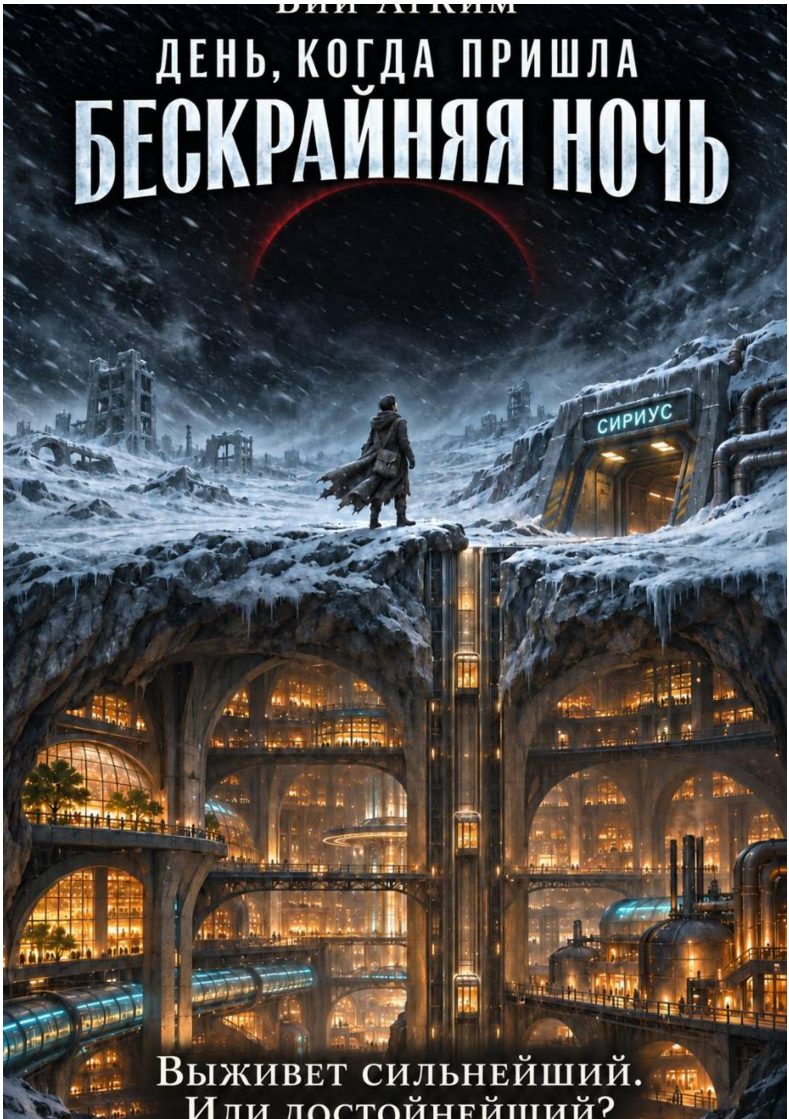
ДЕНЬ, КОГДА ПРИШЛА
БЕСКРАЙНЯЯ НОЧЬ
СИРИУС
Выживет сильнейший.
Или достойнейший?

Вий АгКим

День, когда пришла бескрайняя ночь. Том 4. Таинство Мистерии

https://litres.ru/74849727
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда погасло солнце, человечество научилось жить без дневного света. Но смогло ли оно сохранить свет внутри себя? В подземном городе «Сириус» продолжают спорить о спасении, верить пророкам и подчиняться силе.

Ренатос, воспитанный монахом и привыкший искать ответы, всё острее чувствует, как мало знает о собственном прошлом. Его путь сквозь насилие, веру и предательство приведёт к вопросу, от которого уже невозможно отвернуться: что делает человека живым — происхождение, душа или непоколебимая воля?

Впереди — борьба за право остаться в мире, где даже спасение может оказаться приговором.

Содержание

Глава 1. И погаснет свет 4
Глава 2. Дитя 13
Глава 3. Вновь рожденный 16
Конец ознакомительного фрагмента. 26

День, когда пришла бескрайняя ночь. Том 4. Таинство Мистерии

Глава 1. И погаснет свет

Как глупость мысли беспредельна.
И как беспечен человек,
Когда он стал бичом Вселенной.
И порождением всех бед...

Как много недосказанных слов в попытке объяснить естество жестокости человека, возомнившего себя вершителем мира. Мы научились обманывать смерть, продлевая свой век за границы допустимого, но как редко мы задумываемся над тем, что нашему миру настанет конец… Ведь на самом деле его бремя почти истекло. На этой планете, в погоне за мнимым счастьем, человек создал ад на осколках разрушенного рая, едва заметив закат эпохи изобилия.

Я помню тот день, когда небо озарилось огнём, солнце вспыхнуло ослепительным заревом ярче тысячи свечей, отдав последний отблеск. И погасло. Кто бы знал, что нескон-

чаемая ночь станет концом света для всех, но только не для человечества. Людская природа такова, что способна приспосабливаться к чему угодно, выживать, абсорбируя всё, чего коснётся — даже суровый мороз и лёд, окутавший всю планету, не смогли сломить жажду к жизни.

Сложно сказать, какой сотой или тысячной доли процента от всего населения удалось выжить, но по факту их осталось чуть более миллиона — те, кто чудом укрылся от бури, смогли пережить эту судную ночь, обустроившись в катакомбах тектонических пристанищ. Распределившись на группы, люди начали осваивать уже существующие бункеры, создавать тоннели между станциями метрополитена и объектами технически-стратегического назначения. Масштабной выработкой уцелевшие пробурили отверстия в скалах, усиливая их арками из решёток с тонкобетонными крепежами, тем самым проложив надёжные коридоры. В больших залах колонны держали плиты из камня, разделяясь на многоуровневые помещения, уходящие в недра почвы, а разветвлённые траншеи связали коммуникации между жилыми объектами. Таким образом, хитросплетённые каналы послужили мостом к другим бункерам, обеспечив их электричеством и водой. Всего за пару-тройку лет сеть расползлась на многие километры, вдыхая жизнь в населённые пункты подземных городов.

Так родился последний оплот человечества — «Сириус», мегаполис, высеченный в грунтовых скалах, простирающий-

ся в лабиринте многоярусных этажей, вертикальных шахт и тысяч комнат для всех нужд, с неугасающим фонтаном света прожекторов.

Тут человечество открыло новую главу своей жизни, чтобы суметь ещё раз пустить корни и вернуться к началу, получив второй шанс. К сожалению, не все из живых разделяли этот шанс.

Война за ресурсы поделила всех выживших на две основные фракции: одни называли себя «Конкистадоры», а вторые — «Ренессанс». «Ренессанс» выступал, как оппозиция, которая не хотела, но была вынуждена защищаться от завоевателей.

Конкистадоры имели притязания, на манер колонизаторов «Нового света», но здесь шла речь об агрессивном захвате подземных территорий, и они были готовы на всё, чтобы расширить свои границы правления. Их предводителем был атаман по прозвищу Бес. Он имел честь гордиться своим высоким происхождением, считая себя аристократом голубых кровей лишь потому, что его отец был финансовым магнатом. Настоящее имя Беса никто точно не знал. Разве что поговаривали, будто в его роду был прадед, называвший себя Кортес. Старик был пугающе живуч, разменял сотню лет и прожил ещё не один десяток после. Он имел испанские корни, служил при дворе у самого императора и был значимой политической фигурой в прошлом. Вот он-то, по слухам, и назвал правнука Хесусом, то есть Иисусом в переводе

с испанского, что ещё больше будоражило умы, наводя шумиху вокруг его персоны. А позывные он получил благодаря своим недюжинным способностям. В пылу сражения Хесус, как истинный чёрт, мог бесноваться и входить в неистовство, словно берсерк из скандинавских сказаний. Его глаза наливались кровью, в безумии он бросался на свои жертвы и разрывал их на части голыми руками.

Вся свора, что сопровождала его, была ничуть не лучше, их сложно было назвать порядочными людьми: сплошные мародёры, убийцы и наёмники, которые следовали негласному закону, как в джунглях: «Выживет только сильнейший». Банда Беса грабила мелкие независимые селения, которые по той или иной причине не захотели присоединиться ни к одной из воюющих сторон. Конкистадоры проносились, как чума, сметая всё на своём пути. В их повадках было что-то звериное, что-то чуждое человеческому, пугающее и пронизывающее до костей леденящим ужасом. Эти животные брали что хотели, истязали слабых, насиловали женщин и убивали стариков, оставляя после себя реки крови и груды фрагментов тел. А детей в возрасте от одного до пяти лет они забирали с собой, чтобы впоследствии перевоспитать в бесстрашных воинов. По методологии Хесуса новобранцы должны были пройти закалку «огнём и мечом» — где выжигались все эмоции, остужались чувства и приводились в действие только инстинкты. С годами возмужавших рабов облачали в «смирительные рубашки» послушных во-

инов. Идеальный инструмент в ремесле войны — боец, лишённый всех страстей, кроме одной — убивать.

Ренессанс, напротив, взывал к разуму и преследовал благородные цели, покровительствовал высоким идеалам и равноправию. Лидера оппозиции именовали Моисеем. Набожный человек, я бы даже сказал фанатичный до мозга костей. Как он сам выразился, он учёный новой религии, истинной религии в последней инстанции. В ночь перед катастрофой Моисею было откровение свыше: он заново родился, стал помазанником Божьим и избранником небес. Его пророчество гласило о земле обетованной и о том, что только он знает к ней путь. Следуя своим видениям, первопроходец взял под своё начало небольшую группу пилигримов и отправился с ними в паломничество в место, где подземные воды сходятся в единый источник. И он не ошибся — в предполагаемом месте действительно оказался котёл с огромным подземным бассейном пресной воды. Этот святой источник в будущем стал сердцем Сириуса.

После завершения строительства города наместник основал культ «Возрождение». В его принципы легли расширенные каноны христианства, дополненные откровениями пророка. Моисея назначили главой города и первым хранителем мира, в дальнейшем провозгласив старейшиной и мудрецом рода человеческого. С тех самых пор никто не сомневался в его даре трактовать грядущее, а порой и неизбежное для каждого из нас. По воскресеньям он открывал двери свое-

го собора для проведения мессы и богослужения. Вдохновлённый и красноречивый, истинный оратор, Моисей излагал складно, очень вкрадчиво, но в его речах было что-то фальшивое и неуловимое, что ускользало от наивного слушателя. Он умело навязывал ложь, выдавая её за добродетель.

Теперь уже сложно вспомнить, когда земля укуталась в лёд, а солнце начало остывать и терять свою энергию. Дни становились скоротечными, тусклыми и мрачными. Даже в ясную погоду в небе непроницаемой пеленой стоял туман. Создавалось впечатление, будто в атмосферу распылили какой-то минерал, который не пропускает лучи света. Сначала пришла многолетняя зима, а вслед за ней сумерки. Ушедшие радужные дни сменились массовым унынием. Снежная буря унесла прочь последнюю надежду на светлое будущее, а в кульминации солнце, взорвавшись, осветило безжизненный ландшафт пустоши, провожая обречённых в последний путь. Первое время люди, загнанные в катакомбы, страдали без света дня. Многие сходили с ума, запертые в ловушке внутреннего пространства земли. Бескрайняя ночь сломила многих — кто был рождён во внешнем мире, не мог существовать в границах замкнутых пространств и постепенно умирал. Особенно это коснулось старшего поколения — все, кто дожил до преклонного возраста, не могли перенести эти муки.

В бункере под слабым освещением люминесцентных ламп лежал пожилой мужчина, не в состоянии сопротивляться

смертельной слабости, которая, как гвоздями, прибила его к кушетке. Приподняв с подушки голову, дед вопрошающе взирал на внука, который расположился подле него. Молодой человек отвечал ему тем же, пытаясь прочитать в отрешённом взгляде последнее пожелание. Юноша как никто другой понимал, что близок тот час, когда костлявая с косой постучится в дверь и заберёт заблудшего в загробный мир, где слуги ночи вынесут приговор, чтобы навсегда примирить измученную душу с миром мёртвых. Старику мерещились призраки из прошлого, и зачастую он вёл диалог с тенями, слышал колокольный звон и как паромщик на противоположном берегу реки зовёт его по имени. Лишённый свободы, он не мог примириться с катастрофой, которая отобрала заветную мечту о спокойной старости. Дед причитал, рисуя вычурную картину падшего мира:

— Лишь в мимолётных снах я вижу ясный день и синее небо над головой. Ох, как будто это было только вчера. Прискорбно осознавать, что солнца больше нет… а эти рассветы и закаты — Боже… бесподобная услада для глаз, теперь только миф, в который никто не поверит… всё исчезло во мраке… насколько это всё невыносимо?! Я не могу здесь находиться, не могу есть, не могу спать, совсем ничего не могу с собой поделать. Мои биоритмы сбились, и я потерял чувство времени… Я не помню, когда в последний раз здраво мыслил. Всё как в дымке, словно в забытье. Этот сюр меня убивает… бессильные и бессонные дни, а точнее, ночи им

нет конца. Бездна погрузила во тьму мой храм души, опустошив меня целиком. Я погиб, но ещё живу во плоти, чтобы завтра умереть. Если на этом свете когда-то и был Бог, то он нас покинул.

— Скорее, это человек не внемлет голосу Создателя и покинул его, а не наоборот, — не согласившись, внук махнул рукой, — оправдывать свой эгоизм вынужденным потребительством не лучший способ порадовать «прародителя». Да и к тому же Боги тут вовсе ни при чём. Жестокость и себялюбие главенствует в наших повадках, не это ли самый низменный из пороков?

— Да что ты можешь знать о пороках, мальчик?! — навзрыд прохрипел старик. — Тебя подобрали, как бездомную собаку! Такой же жалкий, как дворняга и никому не нужный отброс. Мой сын взял тебя в нашу семью, а что по итогу? Как ты с ним обошёлся? — Ты предал его после всего, что он сделал для тебя… эх… столько сил потрачено зря… досадное разочарование, и ты ещё смеешь меня осуждать?!

«Да уж, срезал он меня знатно», — подумал про себя парень и не нашёлся с ответом.

«Как ни крути, а старик прав. Я просто кинул на произвол судьбы человека, которого считал Отцом, Наставником и Учителем. Мне всё опостылело на этом свете, в чём смысл, если не к чему стремиться? Скука — двигатель регресса и стагнации. Ты ходячий труп, если не имеешь цели, а просто «быть» — значит вовсе и не жить, но ведь когда-то

было иначе. Прошлое, как пелена перед глазами. Не знаю, то ли психика так устроена, то ли разум оберегает от детских травм? Но о трагедии моего рождения и происхождения могу лишь гадать. Знаю только одно: до падения мира, когда люди ещё обитали на поверхности земли, меня нашёл и приютил монах, живший в горах Иркутского края».

Глава 2. Дитя

В промозглый осенний день Алимхан поднялся на недоступные для обычных путников вершины, чтобы провести свой ежегодный обряд. Здесь, высоко в горах, отшельник посещает «обитель одиночества». Место силы, где воздушные массы несутся вдоль скалистых хребтов. Столкнувшись, горячие и холодные потоки образуют облака. Затем газовые облака испаряются, высвобождая огромный столб космической энергии. Разряженная «прана» разливается, и это место начинает сверкать красками «эфира» — это воздух Богов, он пронизывает каждую клеточку всего сущего и создаёт тонкую основу Вселенной.

Прямо тут, на пике горы, в месте схождения первородных сил, и стоит скромная обитель. Небольшой храм из деревянного сруба, чьи стены хранят тепло природного материала, изнутри украшен иконами и настенной живописью. Часовня встречает посетителя давящими низкими потолками и поскрипывающими под ногами половицами. Скромных габаритов зал упирается в иконостас, скрывая перегородкой алтарь, а за престолом проходят таинства, ведомые только посвящённым, коим и является Алимхан. Монах, стоя на коленях у жертвенника, по традиции погрузился в медитацию, изливая из уст священную молитву.

Нулевой час пришёл с ливневым дождём, невообразимо мощные раскаты грома разразились молниями. Одна из них угодила прямо на холм и попала в старое дерево, расколов его на части. В тот же миг в келье, что расположена в восточной части храма, донёсся приглушённый детский плач. Встревоженный монах вбежал в землянку и увидел, что рядом со столом на жёстком топчане, свернувшись калачиком, лежит мальчишка лет пяти. Дезориентированный, охваченный ужасом, он бился в припадке отчаяния, каждый член его тела содрогался.

«Откуда ребёнок взялся?» — задумался монах. — *«Подбросить его не могли, возраст не тот. Самостоятельно забраться на такую высоту и спрятаться в келье, тем более что дверь в неё была заперта — попросту невозможно»*.

Алимхан тихим и спокойным голосом попытался утешить его, только тот ни сном ни духом, мальчик своим сознанием не обладал, речи монаха не воспринимал. Все попытки были тщетны: на любой его уговор парень находил невербальный отговор.

К заре «найдёныш» успокоился и притих на кровати. Наконец, он встал и прошёлся по комнате, с любопытством озираясь по сторонам. В келье было совсем мало места — это небольшая комната для одного человека, с минимальным внутренним убранством: стулом, столом и топчаном в углу землянки, над которым висела полка с книгами и иконами.

Алимхан жестом пригласил малыша за стол, он было ис-

пугался монаха, но понял, что ему ничего не грозит, осторожно приблизился к стулу и сел. В рассветный час пришло время для утренней трапезы, Алимхан поставил на стол крынку с молоком, достал ломоть хлеба из узелка и принялся есть, протянув руку с яствами мальцу, тот не заставил себя долго ждать и последовал примеру старшего: взял стакан, который пододвинул к нему монах, и начал пить козье молоко. В один присест уговорил хлеб и махом осушил стакан. Монах удивился тому, насколько голоден был пацан, и дал ему добавку — нутовая лепёшка пришлась ему по вкусу: он проглотил её, не оставив ни крошки.

Алимхан решил взять мальчика с собой.

«Не бросать же бедолагу одного», — подумал он, — *«тем более что пришёл сезон дождей, осень за окном сбрасывает листья, а зима стоит у порога. Главное сейчас окружить его заботой. Ключ к успеху — доверие между нами, тогда малыш почувствует себя в безопасности, а со всем остальным мы разберёмся».*

Глава 3. Вновь рожденный

Спустившись с гор, Алимхан и его маленький друг отправились в путь за уставшим солнцем в родные края. Холодный ветер хлестал по их щекам, дождь бил в глаза, заливая одежду, а непроглядная тьма сбивала с пути. Казалось, сама стихия противилась их возвращению домой. Однако, несмотря на капризы погоды, путникам удалось вырваться из цепких лап природы и выйти к старой, почти заброшенной деревне в лесной глуши, ко двору обветшалой избы монаха.

На хуторе проживало не более дюжины селян — с виду до безобразия простые и неотёсанные мужики и бабы, но каждый из них был мастером в своей области, начиная от гончарного и кузнечного дела, ювелирных изделий и заканчивая вышивкой и иконописью.

Алимхан был известен как кудесник и гуру, владеющий тайным боевым искусством, способным подчинять тело и разум. Знахарь по призванию, целитель души по предназначению и просто монах, отошедший от мирских забот. Он вёл отшельнический образ жизни, но каждый год возвращался в селение на зимовку под снежным покровом, ближе к декабрю, в день, когда светило по эклиптике пересекало небесный экватор.

Монах взял под опеку мальчика и поселил его у своего

духовного отца Елисея, в обиталище, где некогда сам обрёл кров и приют. Так хижина священника стала пристанищем ещё для одной заблудшей души. Елисей слыл человеком мудрым, однако нрава он был весьма консервативного. С годами дед сделался ворчливым, с недоверием относился к любым новшествам и твёрдо верил: истинный покой и мудрость возможны лишь в единении с природой. Поначалу старец не испытывал радости от появления нового жильца. Но вскоре сердце его оттаяло: малыш поразил своей детской открытостью и простодушием, а эта искренность расположила к себе сурового священника.

Мальчик оказался очень любознательным и смышлёным. Всего за пару дней он освоил грамоту, прочитал все имеющиеся книги в избе и заговорил на местном диалекте. Невероятное чудо — не парень, а юное дарование. На своём веку Алимхану доводилось сталкиваться со многими необъяснимыми явлениями, но такое он наблюдал впервые. Монах был сильно озадачен необъяснимой метаморфозой мальчика и поэтому решил серьёзно отнестись к его воспитанию, учитывая каждую мелочь.

С первым лучом света на степь лёг иней, серебром покрыв деревья и дома. Стояла хрустальная тишина, приближались морозы. Из трубы избы струился дым, а в печи томился котелок с гороховой кашей. Из горницы вышел малыш, зевая, вскинул руки над головой и проследовал к рукомойнику, ополоснул лицо холодной водой и растёр руки

махровым полотенцем.

— Доброго утра! — мальчик, широко улыбнувшись, поздоровался с монахом и сел завтракать за стол.

Алимхан кивнул головой и произнёс в ответ:

— Отрадно видеть тебя в полном здравии, мальчик. Гляжу, тебя оставили тревоги минувших дней, и ты обрёл душевное спокойствие. Я долго думал, как мне стоит обращаться к тебе, и на ум пришло имя, достойное твоего возрождения. Я назову тебя Ренатос, что означает «Вновь Рождённый», для тебя это вторая жизнь, осознанная жизнь. Теперь я вижу сформировавшуюся личность небывалых талантов в твоих глазах. Придёт день, и ты удивишь этот мир. Мы начнём твоё обучение с завтрашнего дня и подойдём к этому со всей серьёзностью, так что не расслабляйся, малыш, зима предстоит долгой и холодной.

А далее, как в старой сказке, мальчик рос не по дням, а по часам. Монах начал обучать его всему, что знал сам: искусству врачевания, выживанию и ориентированию на местности, законам физики, философии и теософии. Однако больше всего Ренатос проявлял интерес к боевым искусствам. Тело мальчика было неестественно крепким для его лет; вероятно, ещё в «ползунках» ему пришлось научиться постоять за себя, чтобы выжить. Уже с молодых ногтей он обладал внутренним стержнем, что позволяло ему противостоять суровым испытаниям, обходя своих ровесников на две головы.

Всю зиму Ренатос, как губка, впитывал основы боевого

стиля: захваты, сложные приёмы, технику смертельных ударов и правильное дыхание; он учился балансу силы при взаимодействии с противником и тому, как эту силу направить себе во благо — ни один секрет Алимхана не был скрыт от всевидящего взора юного гения. В мальчике была заточена огромная сила духа, он был прирождённым воином. Поистине незаурядная личность с бойцовским талантом и нерушимой волей.

«Что за диво природы?» — в недоумении размышлял монах. — *«За несколько недель он возмужал и казался мальчишкой не пяти, а почти семи лет. Его тело, выносливость, движения — всё было отточено до совершенства, он постиг все тайны моего искусства буквально за месяц, на что я положил всю свою сознательную жизнь».*

За активными тренировками Ренатос не успел оглянуться, как наступила весна. Пребывать тут, в этом прекрасном месте с его родными, было слишком здорово, и он наслаждался каждым мгновением этой новой жизни. Неясно, что до конца он чувствовал, но точно знал, что здесь нашёл своё место.

В тот день светило полуденное солнце так ярко, что затмевало глаза. Ветер приносил издалека пьянящие запахи луговых цветов, а аромат, развеянный дуновением лепестков, раскрашивал голубое небо. Пришла майская жара. Ренатос стоял на краю утеса и ловил тёплый ветер, свободно вдыхая воздух полной грудью. Его волосы и лицо блестели на свету, впитывая солёный пот. Тело страдало от обез-

воживания, в членах появилась слабость — парень сильно устал. Сегодняшняя тренировка была крайне сложной: помимо стандартных упражнений, направленных на развитие восприимчивости и концентрации, ему приходилось угадывать направление ударов соперника с завязанными глазами. Учитель то и дело заходил сначала со спины, затем сбоку и неожиданно бил Ренатоса под самыми разными углами, казалось, атаки приходят из ниоткуда, их невозможно было предугадать. Исчерпав всю психическую энергию, ученик пал на колени и в безысходности покачал головой. Парень заподозрил монаха в применении сверхъестественных сил, недаром местные нарекли его колдуном.

— Ах, ты хитрый старик, чары вздумал на меня наводить? — с упрёком прошептал юноша.

— Встань! — воскликнул кудесник. — Никакой ворожбы здесь нет, просто ты слишком стараешься и не видишь происходящего. Смотрю и понимаю — сегодня от тебя больше ничего не добиться, за истовым старанием ты упускаешь суть. Поднимайся, пойдём к речке, хоть умоешься и приведёшь себя в порядок.

Основная часть тренировки была завершена, и они пошли по просеке через лесную чащу к реке. По дороге Алимхан завёл разговор:

— Ахиллесова пята твоей безупречности есть оборотная сторона куда более существенной проблемы. Как я и думал, у сего необъяснимого мастерства есть изъян. Можно опериро-

вать чужими словами и чужим опытом, но невозможно этим знанием жить, нужно так мыслить, быть, а не казаться. Поэтому ты не можешь постичь искусство проникновения в голову соперника. Ты поверхностен, пытаешься отгадать, а не почувствовать. Твои действия до метронома отточены, как у робота. Таких педантов с выверенной строгостью до мелочи ещё надо поискать. — Учитель глубоко вздохнул и посмотрел на ученика большими добрыми глазами. — А человек не машина, он несовершенен, он часто ошибается, ненавидит, любит, падает и снова поднимается с колен. Мы ведомы сердцем, если вольны слушать его, и поэтому нам даны чувства; раскрой свой разум внутри-снаружи, и ты почувствуешь, куда направлено внимание того, кто стоит против тебя, за его вниманием следуют и его действие — не придётся гадать, ты точно будешь знать, что супротив задумал в следующую секунду.

Изучая науку поражений и личных побед, ученик упорно постигал азы ратного дела, невзирая на неудачи.

Закончилась весна, и пришло знойное лето. К этому времени Ренатос стал уже совсем взрослым юношей. Его навыки владения телом росли, но тонкая грань сонастройки с оппонентом вовсе не давалась; он не чувствовал своего соперника, не мог достичь даже толики из сказанного учителем. Чем яростнее он пытался вникнуть в глубь своего сознания, тем больше растождествлялся с ним. В итоге он сосредоточился на оттачивании техники, скорости и точности ударов,

доведя их до абсолюта. Учитель переключил фокус внимания тренировок на созерцание внутреннего «Я», чтобы ученик мог развить интуицию.

Они приходили на берег озера Байкал и часами всматривались в даль, затем погружались в медитацию у воды и слушали шум волн. Байкал — источник прозрачной «живой» воды, вырезанный полумесяцем в горном хребте. Озеро разливалось бескрайним полотном водного глянца, отражая в своём зеркале небо цвета мурены.

В состоянии изменённого сознания ученик пытался познать себя, проводя сессии, сидя неподвижно на берегу, многими часами. Утренняя прохлада сменялась жарким днём, а ночь словно приходила без спроса, зажигая огоньки над головой. Казалось, в безмолвной тишине было слышно, о чём шепчут звёзды под куполом сумеречного неба. Но пытливый ум Ренатоса не умолкал ни на секунду, даже когда солнце смещало луну на небосводе, а тишина поглощала крики чаек, устроившихся на ночлег, — воин неустанно вёл борьбу со своим разумом.

Так прошёл месяц, и в один из дней пришёл монах проведать своего ученика, который долгие недели жил в уединении, отшельником в старой хижине неподалёку от прибрежных волн. Зайдя в дом, Алимхан обнаружил истощённого юношу, который сидел в застывшем положении и тяжело дышал. По изнеможённому виду было совершенно ясно — медитатор держится на пределе возможного. Монах коснулся

плеча парня, и тот отпрянул от сна, как от скверны. Раздражённый и опустошённый, мученик с упрёком посмотрел на учителя; в ответ тот лишь пожал плечами, отводя тяжёлый взгляд от ученика. В ту же секунду Алимхан понял без слов — всё было кончено… апофеоз… это предел… большего достичь парню уже было не по силам. Сначала он помог подняться Ренатосу, а потом сопроводил его на свежий воздух. Они прошлись по береговой линии, утрамбовывая гальку под ногами, затем остановились на пересечении воды с сушей, и волны начали омывать их ступни, возвращая к жизни закостенелые мышцы парня.

Монах поднял голову, выдохнул и обратился к визави:

— Ты смотришь на этот необъятный простор и что ты видишь? Там за горизонтом скрывается надежда — надежда, которую каждый ищет, но нигде не может найти. Потому что искать нужно внутри, не снаружи… я не знаю, по какой причине, но внутри ты пуст и злишься на свой врождённый дефект. Сопротивляешься условиям, в которых находишься, расценив их как отрицательные, но это далеко не так. Думаешь, я подвергаю тебя чрезмерным испытаниям, безосновательно заставляя из раза в раз стремиться постигнуть то, чем ты не обладаешь? Нет! Я убеждён, что в тебе есть бескомпромиссный потенциал, но дух твой сломлен. Как будто природа обделила тебя связью с этим миром… И всё же я уверен, ты сможешь вырасти над собой, восполнить знание и научиться принимать свои недостатки. Единственный твой враг — это

ты сам… так не только с тобой, у каждого собственная битва. Первопричина твоих провалов и неудач заключается в рамках ограниченных возможностей. В процессе нашего взаимодействия, на протяжении длительного времени, я ощутил в тебе сильные деструктивные колебания, а в душе — смятение. Твой баланс течения энергии в теле нарушен, но то, с какой феноменальной скоростью твоё тело развивается, — поражает. Акромегалия костей и мышц вызывает аномально быстрый рост клеток в организме, абсолютно всех, в том числе и клеток мозга. Поэтому твои когнитивные способности гораздо шире, чем у простых смертных. Из-за этого ты заперт в ловушку разума, твои эмоции нестабильны, и ты не можешь контролировать их. Психика не поспевает за развитием извилин, и ты лишаешься рассудка… страх зреет и точит тебя изнутри… Послушай, — с металлической ноткой в голосе произнёс монах, — выход есть, рискованный и кардинальный, но есть… Он даст возможность обрести контроль над собой… Тебе нужно шагнуть на порог смерти и выжить.

Они отдалились от берега, продвигаясь вглубь «Долины каменных духов». Алимхан замедлил шаг, указав пальцем в сторону парня.

— Идём туда, Рен, уже смеркается. Я разожгу костёр и приготовлю ужин, тебе нужно восстановить силы. Заодно расскажу одну историю из моего прошлого, которая поможет тебе воспрянуть духом. Ещё задолго до твоего рождения, когда я сам был мальчишкой, мой сводный брат преподал мне

урок…

Радомир был истинным воином с реакцией, как у мангуста, с силищей медведя и пламенным сердцем, как у тасманского дьявола. Всё, что я умею и знаю, я получил от него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.